

Для певицы сцена — это смысл жизни, великое счастье и великая боль... У сцены свои собственные законы, порой весьма и весьма жесткие. Нам, простым зрителям, дано видеть лишь верхушку айсберга — минутное красочное шоу.

Откуда нам знать, какой дорогой ценой оплачивается тот или иной успех, сколько он требует души, сил, слез...

К замечательной певице Анастасии попытался приблизиться Сергей КАРГАШИН.

Сов. Россия, -1997. - 24 апр. - с. 6

Я СЛЕЖУ ЗА СВОЕЙ ДУШОЙ

— Анастасия — это ваше “родное” имя или же творческий псевдоним?

— Это мое настоящее имя. Но это еще и образ жизни, отношение к миру...

— Ваш репертуар выгодно отличается от репертуара других певиц каким-то светом, искренностью. Это и “Свет пречистый”, и “Мамин крестик”, и т.д. Расскажите, пожалуйста, о своей семье, о родителях... О той почве, в которой произрастает ваша душа...

— Я — коренная москвичка. Родилась в самом центре — у Никитских ворот. Сейчас на этом месте стоит здание ТАСС. Моя мама — кинорежиссер, человек глубоко принципиальный, прямой. Иногда даже во вред себе. Мой отец — красавец украинец, артист. С таким сентиментальным мироощущением при своем огромном росте он может, идя по улице, заплакать от того, что травинка пробила асфальт... Эта открытость, детскость очень дороги мне. Я вообще не люблю взрослых людей. По-плохому взрослых. Это, как правило, занудные, никчемные люди. Человек должен немного оставаться ребенком...

— Я — человек искренний. Я никогда не анализировала... может быть, это отсюда, от родителей... Если человек мне неприятен, я не могу сидеть с ним рядом и улыбаться. Я наблюдаю моих коллег и меня всегда убивает — знаю, что люди люто враждуют, но они будут сидеть рядом и улыбаться. Я так не могу...

Моя семья — это и мои друзья, и мой коллектив. Я им очень горжусь. Это высокопрофессиональные музыканты и очень хорошие люди. Я их долго собирала. Был тщательный отсев. Это как в космос полететь — должна быть полная психологическая совместимость. Если хоть один человек раздражает остальных членов коллектива, все может развалиться по швам.

Мой продюсер, Руслан Бабский, в прошлом офицер. Я вообще люблю военных людей. Они отличаются собранностью, пунктуальностью. Я сама дико пунктуальный человек. И если кто-то постоянно опаздывает, я могу с ним из-за этого расстаться.

Моя почва — это и Игорь Мудрецов, мой друг, мой визажист... Все, кто находится вокруг меня... И, конечно же, моя дочка, бабушка...

— Анастасия, сколько лет вашей дочке? Она похожа на вас?

— Дочке двенадцать лет. В ней победила другая кровь. По законам генетики карие глаза всегда вытесняют светлые. Может быть, ее дети будут моей масти...

— Я слышал, что в большинстве случаев вы сами пишете тексты и музыку к своим песням. Так ли это?

— Да. Такие песни, как “Струна”, “Желтый дым”, “Давай поговорим”, “Последняя монета” и некоторые другие, — мои на сто процентов. Есть у меня песня на стихи Есенина “Вы помните...”

В последнее время я тесно работаю с композитором Олегом Ивановым. Мы делаем вместе уже второй диск (всего их у меня скоро будет шесть). Олег совершенно замечательный человек. Настоящий ребенок. Третий класс, вторая четверть. Какими распахнутыми глазами он смотрит на мир!... Это он написал для меня много хороших песен: “Мамин крестик”, “Губа не дур”...

Он очень талантливый. Я вообще люблю талантливых людей. И стараюсь собирать вокруг себя именно таких. С ними когда общаешься, заряжаешься такой энергией, такой силой... Не как вампир, конечно, тоже и отдаешь при этом...

— Анастасия, помимо того, что вы хорошая певица, вы еще и очень отважная женщина. Вы первая, кто открыто бросил вызов “столпам” шоу-бизнеса, обвинив их в вымогательстве за участие в программе “Песня года”. Почему вы не стали “играть” по их правилам?

— Я не боюсь ничтожных людей. Не имеет права бывший барабанщик Дубовицкий и бывший, по-моему, учитель физики Крутогулов верстать такую программу, как “Песня года”. Помните, как у Козьмы Пруткова — этого не может быть, потому что не может быть никогда. Если на клетке с тигром написано “буйвол” — не верьте глазам своим...

Интересная вещь, все коллеги мои подходят — я не буду их называть, чтобы не подставить, — и говорят, какая ты молодец, правильно все сказала. Но взять в руки микрофон и объявить об этом вслух не хотят. А кое-кто, например Вайкуле, в одном из интервью говорит — никто, никогда не платил за “Песню года”...

— Я далек от шоу-бизнеса и тем не менее слышал — плати две тысячи долларов, и твоя песня окажется в программе...

— Именно так. Если бы АРС делал свою, оригинальную программу, то тогда это еще можно было как-то понять. Но АРС берет деньги за программу, кото-

матери, братьев, сестер, друзей... Всячески стараться помочь...

— Анастасия, прежде чем стать певицей, вы стали актрисой — закончили Щукинское училище, работали в театре. Насколько это помогло вам?

— Театр — это очень деспотичная профессия. Меня, например, учили так: неявка на спектакль может иметь только одно оправдание — смерть артиста... И это нормально, правильно.

Уйдя из театра на эстрадную сцену, я продолжаю жить по законам театра. Почему ушла? Не могу ответить... Вообще-то я ушла не на эстраду — на улицу...

АНАСТАСИЯ:

Как я стала певицей — это и случайность, и не случайность. Был такой композитор Ашот Пилипсян. Довольно талантливый... Потом был жуткий роман с ним... И от этого романа “родились” какие-то песни: “Высокий каблук”, “Ночной проспект”, “Бродяга”...

На год я села в студию — было это в подмосковном Калининграде. Записывала, слушала, стирала, опять записывала... Через год, постепенно, в великих муках и вылизываясь то, что сейчас называется Анастасией.

— Каким вы видите “своего” зрителя?

— Посмотрите в зеркало, и вы его увидите. Мой зритель — нормальный человек, который не колется, не беснуется. По возрасту это и маленькие дети, которых много на моих концертах, и мои ровесники, и глубоко пожилые люди...

— Анастасия, каковы ваши предпочтения в литературе, музыке?

— В отличие от Сташевского я читаю не Чейза. Это, конечно же, Чехов — я все-таки вахтанговка... Это Булгаков... Это Цвейг... Это Достоевский — но под настроение, Достоевского нельзя читать в самолете... Это Мериме...

Я много читаю — я человек ответственный. Я не имею права быть перед людьми, приходящими на мои концерты, душой. Я слежу за своей душой...

Я очень люблю Вивальди, Шопена, Шуберта, Листа... Я по натуре мелодичный человек, поэтому и музыку предпочитаю мелодичную... Я не понимаю, например, Шнитке... Мне гораздо ближе Моцарт...

— Как вы очищаетесь от скверны, которой в нашей жизни предостаточно?

— Я люблю нашу русскую природу. Березы, небо... Когда все же приходится проводить какое-то время с людьми неприятными, я еду хотя бы на полчаса в лес. Там я очищаюсь...

— По индийскому поверью, души умерших людей переселяются в тела животных. Дай Бог вам многие лета. И все-таки каким зверьком вы бы хотели потом быть?

— По гороскопу я лев и змея. Значит, я буду или змеей, очень ядовитой, или львом, но с дурным характером. А если серьезно...

В детстве я обожала лягушек, чем приводила в ужас всех моих подруг, так как я была существом достаточно драчливым — если я видела, что какой-то мальчик обижает лягушку, я могла его сильно исколошматить. Не раз родители таких вот мальчиков приходили к нам домой жаловаться... Может, я и в лягушку превращусь... А может, я уже была лягушкой...

— Ваше любимое время года и почему?

— Лето. Я человек порывистый, если что-то делаю, стараюсь сделать быстро. Одевание на себя зимой многих вещей меня утомляет. И потом я боюсь холода. Я же не работаю под фонограмму... А вдруг простужусь?.. Больничный оплачивают мне никто не будет. Летом я чувствую себя спокойней — могу разговаривать на улице. Летом у меня больше свободы физической. Если бы еще не комары...

— Где и как вы предпочитаете отдыхать?

— Вот уже восемь лет я не отдыхала. Все-таки мне надо 12 человек кормить. То, о чем я говорила, — о своей “семье”. Поэтому врать не буду — не пробовала, не знаю. Попробую — тогда расскажу.

— Вам никогда не хотелось навсегда распрощаться со сценой и зажить, как все “нормальные” женщины, — домом, семьей?.. Без этой вечной погони за успехом...

— Во мне сидит какое-то проклятие. За что я ни возьмусь по хозяйству, я или сломаю, или разобью, или у меня это сгорит.

Я совершенно не понимаю, почему это происходит. Если я ставлю на плиту молоко, обязательно зазвонит телефон, и, пока я буду к нему идти, молоко, естественно, убежит... Если я решила сварить бульон из курицы, я наверняка про него забуду. Вспомню только тогда, когда будет уже все в дыму... Это какой-то рок. Поэтому меня всегда выгоняют с кухни. Не то что я такая божественная принцесса на горошине — я безумно хочу, но у меня ничего не получается.

— Как вы оцениваете свой “спенический” потенциал насколько он реализован?

— Представьте себе небоскреб, у которого еще нет крыши, и никто не знает, сколько у него будет этажей. Я только вхожу в его полуподвальное помещение. У меня все — впереди...

рой уже 25 лет. Зритель наивно полагает, что “Песня года” составляется по его заявкам. Выходит ведущий и, мило улыбаясь, говорит: “Марья Ивановна из города Донецка очень любит певицу Линду и просит поставить ее песню “Марихуана”. Конечно, Марья Ивановна, мы выполняем вашу просьбу...”. Все это просто смешно...

Я никогда не буду в “Песне года”, пока ее верстают “нечистые” руки. Принципиально не буду...

— Насколько я знаю, вы не стали участвовать и в президентском туре “Голосуй или проиграешь”...

— Я не ездила по одной простой причине: я считаю, что это пахивает проституцией. Единственной моей “политической” вылазкой, совершенно бескорыстной, был концерт в Туле в поддержку Коржакова. Только потому, что его позиция мне понятна и близка. Я дико хохотала, когда узнала, что в Туле был и АРС с той же самой облоймой певцов, с которой ездил по городам и весям в поддержку Ельцина. Это ли не проституция? У АРСа “тонкое” чутье на деньги...

— Анастасия, вы — певица востребованная, много ездите по стране, общаетесь с людьми. Наверняка на концертах вам задают сакраментальный вопрос — что делать? Что делать, когда к горлу России тянутся лапы предательства, нищеты, бесправия?.. Как вы отвечаете на это?

— То, что сейчас происходит, — отвратительно. Атмосфера всеобщей лжи, царящая в правительстве, меня просто убивает. Свиристел такой экономический ураган — в результате рвутся все человеческие отношения. И тогда остается или в петлю ползеть, или сплестись. Единственное, что сейчас можно сделать, — сплотиться. Быть поближе к своим истокам, к своим корням... Жена не должна пилить своего мужа, не приносящего домой денег, — он их не пропивает, ему не платят на заводе...

Я уверена: все будет хорошо. Это не глупый, шенячий оптимизм. На самом деле мы будем еще долго болеть. Мы должны сами себя вылечить. Россия — страна под Богом, очень сильная страна. И для начала нам надо сплотиться. Мы сейчас очень разорваны. Надо сжаться, полюбить близких. Не обязательно любить всех — мы же не блаженные. Начинать надо с отца,

24.04.97.

Анастасия